

ИНЕССА ГАНКИНА

КРУГИ

Инесса Ганкина

Круги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006084

ISBN 9785449649881

Аннотация

Перед вами книга стихов с небольшими вставками в форме эссе. Круги охватывают город, время, память, историю, путешествия, любовь и судьбу. Книга предназначена для вдумчивого неторопливого чтения.

Содержание

Круги... Как много в этом слове...	6
ГОРОД, ПРЕЖДЕ РОДНОЙ...	9
Город, прежде родной...	10
Круги на воде...	14
Дни и ночи мая	15
Коляски припарковались...	16
По мотивам интерьера кофейни	17
1	18
2	19
Ретроавтомобили в Минске	20
«Я ОТВЕЧАЮ ЗА КРОВЬ И ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД...»	21
Я отвечаю за кровь и генетической код...	22
Суббота – не время для плача	23
Мою колыбель раскачивал ветер...	25
Беспамятство	27
Браславские отражения	29
1	29
2	30
Когда-то давным-давно...	32
Вечный ковчег	33
Памяти еврейских общин Беларуси	35
У яблонь груди наливались медом	36

Мой завершённый круг	37
Пахло щами...	39
Пророк	40
1	40
2	41
3	42
Мир Шагала	43
1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Круги

Инесса Ганкина

художник Павел Жилиянин

художник Вероника Сенкевич

редактор, автор предисловия Галина Андрейченко

© Инесса Ганкина, 2019

ISBN 978-5-4496-4988-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Круги... Как много в этом слове...

И впрямь: круги на воде, концентрические круги, возвращение на круги своя, хождение по кругу, спасательный круг, круги небесные... И ни одно значение не исчерпало своего смысла. Особенно начинаешь это понимать, когда раскрываешь новую поэтическую книгу Инессы Ганкиной.

Круги, пусть даже концентрические, но тем не менее есть невидимые прорывы у окружностей, которые позволяют читателям, умеющим находить из любого замкнутого пространства выход, перемещаться в квадратуру круга следующего, и не всегда в установленном порядке. Иногда бывает достаточно вообразить себя героем картин Марка Шагала.

Круг-город, круг-дом... Ломится в ухо дребезжанье посуды. Как хорошо, что медведь наступил на то самое ухо, – и уже слышна музыка города. Любая, какая угодно, не всегда стройная или журчащая – подчас обрывистая, шагающая по ступенькам, которые тоже шагают в свою очередь из-под ног.

Поэтическая ритмика автора очень непосредственна. Четкие чеканные строки с непременным рикошетом – редкость. Все течет, течет с разной скоростью, современность предлагает сегодня – одну, завтра – другую, вчера – еще некую, непронумерованную. Классическая строка, сосуществующая с временем и его проявлениями, приобретает фор-

му не- или неоклассическую, привычный стих постепенно переходит в верлибр, мы ступаем по нему, делаем открытия, а потом он неожиданно возвращается, закольцовываясь на близости к классике.

Отданные на наш суд авторские «Круги» невозможно представить по отдельности. Они сосуществуют, нельзя сказать: это – город, это – страна, а вот любовь и т. д. Круги не могут друг без друга: город в городе, страна, континент, любовь, события в городе, стране, на континенте и одновременно за пределами. Это Мир автора. В каждом стихотворении – целый мир. Казалось бы: комнатный кактус, ничего банальнее и придумать нельзя. А ведь если окинуть его авторским взором, сколько можно увидеть, почувствовать, даже оказаться в неведомом доселе пространстве.

И отдельной строкой – Холокост. Наверяд ли есть хоть одна семья, по которой не проехало страшное колесо истории. Ход времени неисчислим, круги идут, и сквозь них проступают лица, речь, глаза, кружится пепел – преклоняешь колени и кладешь камень, ибо есть место, куда его можно положить. Или «Какие сны...». Мы-то помним, что эти слова срывались с уст шекспировского Гамлета. А у Инессы Ганкиной это преломление Холокоста в дне сегодняшнем, его осмысление со всеми вытекающими.

Новые Моисеи
не узнают

горящего куста.

...А праведник Ной (возможно, не впервые), глядя своих котят, строит вечный ковчег, который поплывет к кругам небесным. Он возьмет всех.

Читайте книгу, ступайте по кругам. Пусть у каждого будет свой, как и задумал автор.

*Галина Андрейченко,
поэт, редактор книги*

ГОРОД, ПРЕЖДЕ РОДНОЙ...

Графика Павла Жилинина

Город, прежде родной...

Город, прежде родной,
в постоянном движении —
исчезают кафе,
появляются граффити.
Память прочно хранила
твою топографию,
словно складки одеяла
до боли знакомые —
возле дома направо...
И запахи булочной,
пять ступеней, перила,
скамейка под тополем.
Это было и сплыло,
и врут фотографии.
Вечен круг возвращенья,
но только попробуйте
соскочить с колеи,
что зовется историей,
и укрыться туманом
в окне с занавескою...
Вмиг очистят карманы
и выставят бездарью
и пинками за дверь...
Славно профнепригодностью

называть обращение
к давней традиции,
где слова и дела
еще кое-что стоили.
Зеленеет листва,
и с румяными лицами
город прочно въезжает
толпою нестройною
в одиночку и парами —
«стерпится – слюбится».
С голубою каемкою
белое блюдечко —
обещание завтра,
как пятна на скатерти.
Над бездумной толпою
оружие граффити.
Исчезают кафе,
рассыхаются столики.
Вот мое поколение
стало историей.
Начинали в застой,
завершаем безвременьем.
Чуть вдохнули свободы,
да сперло дыхание.
После будут историки
в пестрой мозаике
путать все имена:
рэп, сонет и гекзаметр —
все сольется в одно

через тысячелетия.
Поколение Next —
поколение Третье,
поколение надежд —
поколение потерянных,
поколение выживших
или расстрелянных.
Все сметает с земли,
словно листья осенние,
Хронос в пыльном халате
уставшего дворника,
ни следа. Ерунда —
воскресенья и вторники —
дни, недели, года —
кружит стрелочка компаса.
Расширяется мир
и сгущается в комнате.
Сколько там атмосфер?
Нам укажет тонометр.
И накроет грозою
засохшее дерево.
Город сменит наряд
и парадную выкрасит,
и сдадутся дома
без единого выстрела.
Старый клен во дворе
и скамейка скрипучая.
То, что мнили судьбой,
оказалось лишь случаем.

Ты махни мне рукою,
мы всё же попутчики —
точки глупой прямой
на касательной к времени.

11.07.17

Круги на воде...

Круги на воде,
селезень из Свислочи родом,
крылья свои топорщит гордо.
Рыжие сапоги, яркий клюв —
городской щеголь.

Баржа-кафешка
не претендует на большее,
чем укрыть от солнца,
переходящего в дождь.

Розы цвета кока-колы,
плоское средневековое
предлагает вписать голову,
спрятав шорты за латы.

Моя глупо счастливая голова,
останется на память городу,
где родился селезень...

Круги на воде,
беспечный бубен —
цыганский дождь.

Дни и ночи мая

По старым переулкам и дворам
сирень бесстрашно-дерзко расцветает,
в них юность пахнет выпускным и маем
и ландыши звенят из темноты.
А в кошельке опять бренчат копейки.
Не хочется, но чаще на скамейку
присаживаюсь, и мои следы
круглятся палкой, что в пустой прихожей
почетно возвышается в углу.
И с каждым днем, чем дальше, тем моложе
прошедшей жизни ворошу золу.
Кричат воспоминанья, и по коже
бегут мурашки... Солнечный прохожий,
ломай сирень! Счастливые соцветья
неси в ладони, пусть восходят дети
как солнца шар над старою Землей.
А лунный серп с седою головой,
приветствуя влюбленных и поэтов,
всю ночь бормочет молодой листвою,
и пахнет свежескошенной травой.
Так постепенно наступает лето.

17—18.05.18

Коляски припарковались...

Коляски припарковались,
владельцы изучают инфраструктуру
города, пахнущего кофе и пищей.
Будущее Европы всех цветов радуги
играет в пятнашки, радостно
улыбаясь двумя зубами
беспечным папам и мамам.
Капли весело подпрыгивают
на плитках террасы...
Лето обещает многое
на вдохе и выдохе июня.
Зима – страшная сказка,
которую помнят бабушки
или очень мудрые люди...

Июнь 2013, Минск

По мотивам інтер'єра кофейни

Графика Вероники Сенкевич

1

Чашка кофе на середине моста,
завтра перейдем на другую сторону.
Хрупкость мгновений останется на листках
салфетки. Посетители, потерявшие голову,
будут вечно делать селфи,
изображая радость, которой не было.
Велосипед задумчиво
организует метель одуванчиков.
А невозмутимый жираф
смотрит на все свысока.

16—17.08.2018

2

Французская булочная в Минске,
на столиках уютно разлеглась Эйфелевка.
Православное Рождество крестится за поворотом,
елка универсально подмигивает огнями.
Одинокие девушки за столиками
бешено вколачивают эсэмэски в сеть,
листая чужие праздники.
И только официантки с улыбкой Будды
равно приветливы со всеми.
Я возьму тебя под руку...
Прощай, парижское одиночество.
Здравствуй, главная елка с хлопушками
из нашего детства...

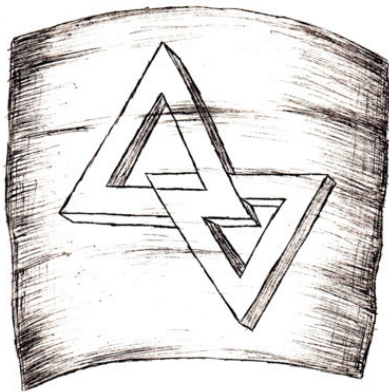
07.01.2019

Ретроавтомобили в Минске

Автомобили с закрылками птицы,
сумасшедшее ретро в столице
включает генетическую память
«Лады» и «Кадиллаки». Под облаками
все флаги приходят в гости.
Автомобильям перемывают кости,
Препарируют брюшину и дыханье.
Ковбойские шляпы – георгиевские ленты,
как встреча на Эльбе.
«Ландыши» из ЗИСа, лайковые перчатки,
Время шаги печатает,
далекое становится близким.
В зеркале заднего вида,
по асфальту шурша,
движется чудаковатая с виду
автомобильного века душа.

12—13.09.2018

«Я ОТВЕЧАЮ ЗА КРОВЬ И ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД...»

Графика Павла Жилинина

Я отвечаю за кровь и генетической код...

Я отвечаю за кровь и генетической код
(состав, проценты и доли).

Я отвечаю за распятие и за Исход,
за килограммы слов и за тонны боли.

Я отвечаю за Библию и за Коран,
возможно, еще немного за Агни-йогу.

Я отвечаю за Второй и за Первый Храм,
и за дорогу к Третьему,
лишь за дорогу...

Я отвечаю за «Одиссею»,
Хиросиму, Эйнштейна, Моисея.

Я отвечаю от рождения до могилы
за бессилье и направление силы.

Я отвечаю за дела и мысли,
за всё, что от меня зависит.

Но, вернувшись в начало,
за кровь и генетический код
я не отвечаю...

09.04.17

Суббота – не время для плача

*Единственный член Союза белорусских
писателей Григорий Релес,
всю жизнь писавший на идише,
просил своих гостей:
«Друзья, а теперь давайте поговорим
немножко на идише»*

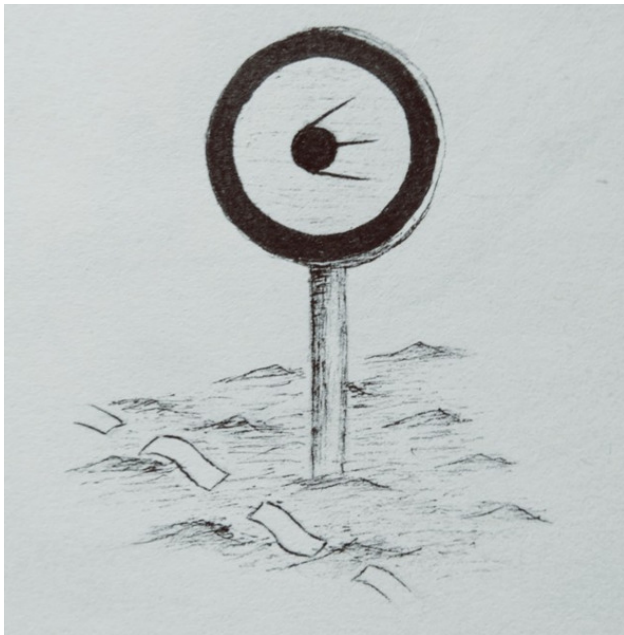
Из воспоминаний

Я сбиваюсь со счета,
суббота —
не время для плача.
Нет следов
на камнях,
и грошовая сдача
заменяла наследство.
Горят мои детские книжки,
говорите аф идиш...
Как пес-полукровка
я не помню родни.
Костью в горле застряли
слова, и неловко
царапают память они.
«Маме лошн» не знает меня,
но, в наследство вступая,
шевелю непослушно губами:

«Прости и прими...»

13.05.2010

Мою колыбель раскачивал ветер...

Графика Павла Жилинина

Мою колыбель раскачивал ветер,
неустойчиво теплый сменялся суровым,
казался безмерно далеким пятьдесят третий,
хоть порою сквозило стужей сорок восьмого.

Поколение выживших, выполняя заветы,
плодилось и размножалось. Над керогазом
сохли пеленки, а обсуждали при этом
спутник, проткнувший небо антенным жалом.
Полстолетия вместило столько поколений
компьютерных, что не хватит пальцев.
Окружены информацией, пролетающей мимо,
мы стоим на пороге будущего, где плянется
из пробирки геном Буратино.
С головами, повернутыми строго против
движения времени и фортуны,
мы стоим на ветру, и нездешний профиль,
и мелодии странность колышет струны.
Полстолетия вместило столько сомнений
и надежд, что, пожалуй, не стоит плакать.

Беспамятство

История – это гвоздь, на который я вешаю свою шляпу

А. Дюма

Челюсть вывихнута
от удара времени,
кладбище беременно
вечностью, камни
теряют буквы, форма
становится корнем зуба,
больного беспамятством. Боже,
трава помнит больше,
чем люди. Гвоздь заржавел,
а шляпа все падает
в яму. «Ребе,
как там на небе?»
Камни вырастают
в землю, как дерево.
Здесь не читают
справа налево.
Горше полыни
молоко памяти.
«Козленок, где твоя мать?»

*Август 2012,
деревня Городок, Минск*

Браславские отражения

1

Ветер сдувает небо, в котором
озеро ищет свое подобие.
Серо-голубое пространство
располагает к раздумьям о...
Небытие песка скоро
покроется снегом.
Серые «посцілкі» —
фон для Адама и Евы,
райский сад малеванки
расцветает под северным небом
Родины. Здесь холод
пронизывает даже летом,
но глоток голубого света
обещает когда-нибудь завтра тепло.

21.07.2013

Браслав, Музей традиционной культуры

2

Дорога к озеру поросла цветами,
тропа предупреждает: «Осторожно!».

Прошрое кричит нестерпимо
белым на черном камне,
квадратичным шрифтом. Можно
забыть речь и лица,
но яма, украшенная цветами,
тревожит случайно выжившего.
И он ставит камень-напоминание
от себя лично.

Четыре тысячи каплею в океане,
у этих есть место, куда
можно положить камень,
им еще повезло...

Ветреница размножается летом,
у нее есть кое-какие планы
на этой земле,
но «плачет Рахиль по детям своим...»,
детям, которых нет.

Через семьдесят лет
белорусский край —
«юден фрай», «юден фрай»...

22.07.2013

Памятник жертвам Холокоста, Браслав

Когда-то давным-давно...

Когда-то давным-давно
(меня не было даже в зародыше)
распахнулись ворота ада,
и заплывшее жиром сердце мира
испугалось черно-белой кинохроники,
где горы обуви и бездны того,
что недавно было людьми...
Право на жизнь торжественно
выросло из права на миллионы смертей.
За прошедшее время
телевизор (уже цветной)
принес нам подробности
о новых горах человеческой плоти...
Мы сидим у компьютера
с чашкой кофе,
смотрим страшные сказки.
27 января – День Памяти
на минуту приводит в чувство
застывшее сердце мира.

27.01.2019

Вечный ковчег

Ходит по дому Ной,
гладит своих котят,
смотрит на них с тоской,
ловит лукавый взгляд.

Выйдет во двор,
а там кони жуют траву,
мирно блестя бока,
гривы поют на ветру.

Девушка хмурит бровь —
полон соблазнов свет.
Сердце сожмет: любовь,
всех не вместит ковчег.

А за стеной сосед,
в общем, живет не так.
Жаль, осужден на смерть
этот смешной дурак.

В детстве строили дом —
башенки из песка.
Грянет потопа гром,
ливни наводят страх.

Темен, неведом путь,
сердце – птахой в груди.
Может, еще побудь:
«Милый, не уходи!»

Тысячелетний груз,
«Встань и иди!» – твердят.
Плечи согнула грусть,
Не оглянись назад.

Дружба, любовь и Бог...
Мимо родных могил —
очередной потоп —
вечный ковчег уплыл.

29.11.2018

Памяти еврейских общин Беларуси

Лягушки, лопухи, их предков видел Бялик.
Стена крошится желтою звездой.
Коза лопочет: «Слушай, о Израиль,
твои рэбэйным смолоты судьбою».
Моих следов не сохраняют плиты,
нет таковых в забытом Богом месте.
Твои потомки на иных орбитах
прилежно ходят к самым скорбным мессам.
Капусте хорошо расти на пепле.
Хрустит мальчонка свежей кочерыжкой.
Мои глаза от желтого ослепли,
и пахнет хлеб заплеванным кладбищем.

Воложин, 2001 г.

У яблонь груди наливались медом

У яблонь груди наливались медом,
боярышник алеет на аллее.
Сентябрьская прищурена погода,
кипа и талес старого еврея.
Над Йом-Кипуром небо голубеет,
суди нас Бог, мы из того же теста,
что Авраамы, Сарры и Мойсеи,
Синайским возвышайся Эверестом.
А впрочем, нет, мы стали бесприютней,
аукаемся, кто нас окликает?
Бредет поэт со скрипкою валютной,
бредет поэт, которого не знают.
У яблонь груди молоком набрякли,
но не хватает силы у младенца.
Даруй нам, Боже, пониманья капли,
жутай талесом, как полотенцем.

Мой завершённый круг

Мой завершённый круг
за горизонт уходит.
Это случится вдруг,
словно на огороде
сядет тарелка из
огненного пространства.
Здравствуй, моя душа,
что, воротясь из странствий,
мне передаст привет
от старика из Книги.
Властвует не спеша,
что ему наши сдвиги?
Время течет назад,
радугой замыкая
неких страстей разлад.
Пенятся реки Рая
от пузырьков души,
что опьянили Бога.
Райские шалаши
выглядят так убого.
Не потеряешь Рай —
не обретешь дыханья.
Горечи через край,
в дереве червь познанья.

Круг обретает твердь
и, притворясь Землею,
вверх запускает сеть
с солнцем над головою.
Этот гамак души
дал ей такие крылья.
Родненький, не спеши,
дай насладиться былью.
Пенится гладь Земли,
путь не находит сердце.
Звезды пылят вдали,
веник венчает скерцо.
Уж припасен финал,
тема найдет решенье.
Милый, как ты устал,
жертвой на воскресенье.
Чтоб прокормить – кого? —
хлебом или стихами.

Тенью над облаками
Рухнуло божество.

Пахло щами...

Пахло щами,
и в ухо ломилось
дребезжанье посуды.
Это странное счастье
как милость.
У извечной простуды
горький кашель погрома.
Вдоль дома,
поперхнувшись английским,
бродит сонный
старик, отощавшие пейсы
щиплет чахлой рукою.
Обрубленный корень
уже пробует новую почву,
и вкус ее горек,
но вскоре... Отточье
мы, пожалуй, поставим.
Оставив горящее ухо
мальчишки, старуха
варит щи, и колеблется глухо
речь невнятная царственной Книги,
и свинги еще непривычны для слуха.

Пророк

1

Горячий воздух тяжело вдыхать,
последний крик пересыхает, плачь,
прощальный стон перекрывает горло...
Расколот город, веселей, палач!
Играй на площадях в мясное поло!
Замкнуть уста, что сорок долгих лет,
не зная сна, не ведая веселья,
предвестником злосчастным у постели
народа бормотали, колыбели
баюкая в предошущенье бед,
но все же верить в это не хотели.
Горячий воздух выдохнуть успеть —
иссохшей кожей, встречая смерть.

2

Разрушен храм, жизнь смята, как клочок
бумаги, и по ветру разбросало
сынов и дочерей, бредет устало
толпа, не видя смысла и начала.
И тень «вчера» колеблет покрывала,
«сегодня» сухо, горечи бледней
народ уносит вереница дней,
но камни будут ждать их, и отныне:
«на следующий год в Иерусалиме»

3

Здесь жизнь и смерть качались на весах.
Дыхание пророка из темницы
услышал царь, запавшие глазницы
бросали в дрожь, и поднимался страх,
из тьмы веков вставала неизбежность.
Но легкое дыхание так нежно
теплело в неуверенных руках,
посапывало сонно из пеленок,
и будущего слабенький ребенок
качался в колыбели и спросонок
чему-то улыбался в небесах.

Мир Шагала

1

Не цыкай, жизнь. Под цирковым шатром

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.